

*Посвящается медсестрам.
Потому что вы изумительны!*

От автора

Привет! Если это первая из моих книг, которую вы читаете, — добро пожаловать! Я искренне надеюсь, что она вам понравится. А если вы уже читали мои книги, то огромное и сердечное вам спасибо! Так приятно встретиться с вами снова, и, вау, вы прекрасно выглядите! Вы что, перекрасили волосы? Вам это очень к лицу!

Добро пожаловать в «Летний ресторанчик на берегу»! В отпуск вы, конечно, отправляетесь в самые разные места, но при этом не тратите много времени на то, чтобы как следует узнать свою собственную страну. Я это знаю точно, потому что, прочитав эти строки, мой дорогой друг Уэсли будет фыркать и закатывать глаза, ведь мы дружим уже больше двадцати лет, а я ни разу не навестила его в Белфасте. Итак, я намерена пойти дальше: когда в прошлом году, после десятилетий, проведенных за границей, я вернулась в Шотландию, то решила все исправить.

Прежде я никогда не проводила время в Горной Шотландии и на островах, потому что родилась в южной ее части, так что теперь я пользуюсь любой возможностью, чтобы побывать в тех местах и все изучить, а в острова я влюбилась сразу же.

Там огромные белые пляжи, странные древние сооружения, плоские безлесные равнины — деревья не

могут расти под такими сильными ветрами, — а еще бесконечные летние ночи, когда темнота не приходит вообще. Льюис и Харрис, Бьют, Оркни и в особенности Шетланд, одно из самых странных и чудесных мест во всем Соединенном Королевстве, — все это наводит на приезжих особые чары.

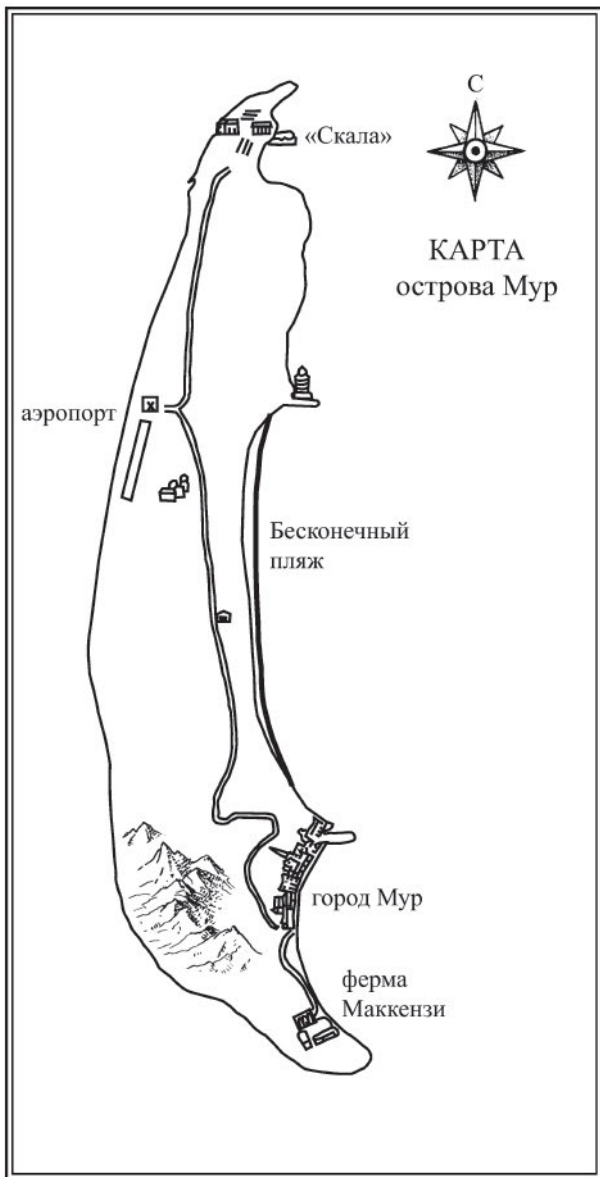
Я хотела начать книгу с самого дальнего севера, но потом придумала некий остров, где соединилось все сразу, — потому что нет ничего хуже, чем писать о каком-то реальном месте и в чем-то ошибиться, — тогда все начинают на тебя злиться. Поверьте, этому я научилась на собственном горьком опыте!

Итак, Мур — придуманное место, но я надеюсь, что в нем отразилась сущность всех тех изумительных островов дальнего севера, которые поражают своей необычной красотой. Они кажутся мне волшебными, хотя, конечно, для людей с мелодичными голосами, что живут там, это просто дом.

В книге вы также найдете традиционные рецепты для моих любимых пирогов и хлеба, и надеюсь, вы с удовольствием попробуете их испечь, а потом сообщите мне в «Твиттере» или «Фейсбуке», как у вас получилось.

И конечно, мне хочется верить, что вам понравится «Летний ресторанчик на берегу»! Эта книга для меня очень личная. Когда после долгого отсутствия я наконец вернулась домой, на мою родную землю, — как это делает в романе Флора, — я поняла, что родина все это время ждала меня.

С любовью, Дженни

Hiraeth — тоска по дому, куда вы не можете вернуться, дому, которого, возможно, и не существовало, ностальгия по утраченным местам вашего прошлого (*валлийск.*).

Глава 1

Если вы когда-нибудь полетите в Лондон... Сначала я хотела написать: «Помните, как вы летали в Лондон?» — а потом подумала: пожалуй, это будет выглядеть слегка высокомерно, вроде как: «Я-то летаю постоянно!» Хотя в реальности я всегда покупаю билеты на самые дешевые рейсы со скидкой. А это значит, что мне приходится вставать в половине пятого утра, всю ночь я не сплю, потому что, если вдруг не услышу будильник, мне в такой безбожный час придется дорого заплатить за дорогу в аэропорт, а потом нагружаться жутко дорогим кофе, чтобы не заснуть. И в итоге окажется, что разумнее было бы купить билет на другое время... но не важно...

Итак.

Если вы когда-нибудь полетите в Лондон, знайте: вам придется долго находиться в воздухе, потому что самолет станет кружить, ожидая разрешения на посадку. Но я никогда не имела ничего против этого, мне нравится видеть внизу огромный город, неисчислимые массы суетящихся там людей и думать о том, что каждый из них полон надежд, мечтаний, разочарований, а из улицы в улицу льются миллионы и мил-

лионы горожан — и все со своими фантазиями. Мне это кажется сногшибательным!

А если бы вам довелось зависнуть над Лондоном ранней весной, то внизу на западе вам бы бросилось в глаза бесконечное зеленое пространство. Кажется, вы можете пересечь весь город, проходя через парки, чтобы затем попасть в его дымную восточную часть, где улицы и площади сбиваются все плотнее. Река здесь поблескивает в лучах утреннего солнца, суда идут вверх или вниз по течению, то по грязной, то по сверкающей воде, и огромные стеклянные башни как будто сами выскакивают там, где их вовсе не ожидаешь увидеть. Лондон меняется на ваших глазах: вы минуете «Купол тысячелетия», ставший как будто ниже; вас ослепит сияющая крыша одного из самых высоких в стране небоскребов, расположенных в Кэнэри-Уорф, с подъемником, который останавливается в середине здания, — наверное, году эдак в 1988-м это показалось бы просто классным.

Но давайте представим, что вы можете увеличить какую-то часть города, как на интерактивной карте в «Гугле», и посмотреть на свой собственный дом, а возможно, и на меня.

Если же двинетесь дальше, то скоро безмятежность божества, озирающего все с небес, покинет вас и вы начнете замечать, как тесно внизу и каким все выглядит грязным, сколько народу торопится по своим делам в разные стороны, хотя еще только восьмой час утра. Вы увидите измученных уборщиков, закончивших утреннюю смену и плетущихся навстречу энергичным молодым мужчинам и женщинам, увидите мелких офисных служащих, розничных торговцев, мастеров по ремонту мобильных телефонов, во-

дителей такси «Убер», мойщиков окон, продавцов уличной газеты «Большая проблема» и еще множество рабочих в ярких жилетах — эти люди делают что-то непонятное с дорожными ограждениями.

Вы уже совсем низко над землей, летите над Доклендским легким метро, где пассажиры пытаются пробиться через утреннюю давку, потому что другого пути нет. Приходится работать локтями, чтобы отвоевать себе местечко в вагоне — хотя бы постоять спокойно, а лучше сесть, дабы с каким-никаким комфортом доехать до станции «Гэлионз Рич». Но, увы, здесь только и можно, что забиться в какой-нибудь угол и стоять там, волей-неволей прижавшись к другим пассажирам. А вагон полон ароматами кофе и чужим дыханием, часто с дурным запахом, — возникает чувство, что всех этих людей вдруг быстро подняли с постели. Даже слабый солнечный свет, брезжащий над горизонтом, не убеждает вас в том, что начинается весна, но вы должны выдержать, потому что гигантская, вечно голодная машина Лондона уже готова и ждет, чтобы поглотить вас, выжать из вас все, что сумеет, и выбросить обратно.

И среди этих людей — Флора Маккензи. Она расставила локти и ждет момента, когда маленький поезд без машиниста наконец доставит пассажиров на станцию «Бэнк», с ее несусветной путаницей. Вы можете рассмотреть эту девушку: она как раз втискивается в вагон. У нее странного цвета волосы: очень светлые. Флора не блондинка и не рыжая в точном смысле этого слова; пряди словно сильно выгорели на солнце до блекло-розоватого тона. Как будто цвета нет вовсе. И она, пожалуй, слегка высоковата. Кожа у нее белее молока, а глаза — прозрачные, как вода,

и трудно понять, какого они цвета. Девушка крепко прижимает к себе сумку и портфель. На ней плащ, на счет которого она сама не уверена — то ли он слишком легкий, то ли слишком плотный для сегодняшнего дня.

Сейчас, как и раньше утром, Флора Маккензи совершенно не думает о том, счастлива она или нет, хотя вскоре это может стать очень-очень важным.

Если бы вы могли остановить ее и спросить, что она ощущает в этот момент, она, скорее всего, ответила бы коротко: «Усталость».

Ведь именно это ощущает большинство лондонцев. Они измотаны, унылы или чересчур эмоциональны, потому что... ну, никто толком не знает почему. Все это кажется законом существования вместе с постоянной спешкой и очередями перед модными ресторанами. И никто из этих людей никогда не заглядывает к «Мадам Тюссо»...

Флора же сейчас думает, не сумеет ли она пристроиться так, чтобы почитать книгу, а еще о том, не стал ли ей тесноват пояс юбки, а если такая мысль вообще приходит вам в голову, то наверняка дело как раз так и обстоит. Еще Флора размышляет о том, не станет ли наконец теплее, и если это случится, то сможет ли она ходить с голыми ногами, что представляет собой сложность по многим причинам, и не последняя из них та, что кожа Флоры светлее молока и сопротивляется всем попыткам исправить это. Флора пробовала пользоваться темным тоном для кожи, но это выглядело так, словно она забрела в лужу порошкового мясного соуса «Бисто». Кроме того, при ходьбе ее ноги под коленками потели — раньше она и не догадывалась, что такое вообще возможно, — и искус-

ственный загар прорезали длинные белые линии, на что ей любезно указал ее коллега по офису Кай. У самого Кая кожа была цвета кофе с молоком, и Флора отчаянно ему завидовала.

Еще Флора думала о свидании, назначенном через приложение «Тиндер» и состоявшемся накануне вечером. Парень, который казался таким милым, пока она общалась с ним в Интернете, тут же начал посмеиваться над ее акцентом, как это делали все, всегда и везде. А когда понял, что не произвел на нее впечатления, тут же предложил наплевать на ужин и сразу отправиться к нему, что заставило Флору тяжело вздохнуть.

Флоре недавно исполнилось двадцать шесть, по этому поводу она устроила отменную вечеринку. Все напились и стали ей твердить, что однажды она найдет отличного парня, или наоборот: как такое возможно, чтобы во всем Лондоне не встретилось никого подходящего? Впрочем, напились не все. Одна из подруг Флоры была беременна первый раз и изо всех сил старалась делать вид, что все как обычно, ничегошеньки не изменилось. Но втайне она была в восторге. И Флора радовалась за нее — конечно радовалась, пусть ей и не слишком хотелось оказаться на месте подруги. И тем не менее.

Флору прижало к мужчине в отличном костюме. Она посмотрела вверх, всего на мгновение, просто на всякий случай. Это было глупо. Она никогда не видела, чтобы *он* ездил в этих вагонах. *Он* всегда появлялся в безупречном виде, в одежде без единой складочки. Флора знала, что *он* живет где-то в городе.

На вечеринке в честь дня рождения друга Флоры понимали, что не стоит расспрашивать ее о боссе

после того, как она выпьет пару бокалов просекко. О боссе, в которого она была глупо и безнадежно влюблена.

Если вам приходилось когда-нибудь мучительно влюбляться, вы знаете, каково это. Кай прекрасно знал, насколько бессмысленна эта влюбленность, он ведь тоже работал на этого босса и ясно видел, что тот собой представляет, — а босс был жутким негодяем. Но не было смысла говорить об этом Флоре.

Однако в любом случае человек в вагоне не был им. Флора почувствовала себя глупо из-за того, что посмотрела на незнакомца. Она ощущала себя четырнадцатилетней, когда думала о своем начальнике, а на ее бледных щеках тут же выступал слабый румянец. Да, она знала, что это нелепо, бессмысленно. Но не могла ничего с собой поделать.

Флора попыталась читать свою электронную книжку, стараясь при этом ни на кого не наваливаться, но не столько читала, сколько, задумавшись, смотрела в окно. В ее уме крутилось сразу множество проблем:

1) У нее новая соседка по квартире. Люди так часто въезжали в ее большой викторианский многоквартирный дом и выезжали из него, что Флора редко имела возможность толком познакомиться с кем-то из соседей. Старая почта горами валялась в холле среди скелетов скончавшихся велосипедов, и Флора считала, что кто-то должен разобрать этот хаос, но сама она не собиралась ничего делать.

2) Не следует ли и ей снова переехать?

3) Бойфренд. (Вздых.)

4) Время перекусить в кафе «Прет-а-манже»?

5) Может, покрасить волосы? Чем-то таким, что можно смыть? Пойдет ли ей дымчатый или серебристый цвет, или это будет похоже на седину?

6) Жизнь, будущее, вообще все...

7) А не покрасить ли комнату в тот же цвет, что и волосы? Или это будет означать, что переехать просто необходимо?

8) Счастье и все такое...

9) Кутикула.

10) Может, не серебристый, а голубой? Даже синий? Годится ли такое для их офиса? Сможет ли она купить немного голубой краски, покраситься, а потом все смыть?

11) Кошка?

Да, она, Флора, помощник юриста, не имеющий юридического диплома, едет на работу, и она не особенно счастлива. Но ведь и не несчастна, потому что так все живут, разве нет? Толпятся в транспорте по пути на службу. Едят слишком много сладкого, когда в офисе у кого-то день рождения. Клянутся ходить в спортзал во время обеденного перерыва, но не ходят. До головной боли таращатся в телевизор. Заказывают слишком много всего через ASOS, а потом забывают вернуть.

Иногда Флора проделывала путь от метро до своей конторы, даже не заметив, какова нынче погода. Вот и сегодня был просто обычный нудный день.

Но через два часа и сорок пять минут ему предстояло измениться.

Глава 2

Вэто же время в трех милях к западу некая светловолосая женщина громко кричала и возмущалась.

Она была великолепна. Даже в раздражении после бессонной и исключительно активной ночи, с растрепанными волосами, спадавшими на плечи, она выглядела на удивление прекрасной. Ну еще бы, с такими-то длинными ногами и безупречной кожей.

Снаружи доносился негромкий гул автомобилей, почти неразличимый сквозь тройные стекла окон пентхауса. Утренние облака висели низко, цепляясь за башни города и проползая над Темзой, — вид из этих окон был ошеломительный, — однако прогноз погоды обещал сегодня сырой и душный день. Блондинка почти визжала. А Джоэл просто смотрел в окно, что несколько не помогало разобраться в деле.

Блондинка задумала на тот вечер приятный многообещающий ужин, но, как только Джоэл дал понять, что его этот ужин не слишком интересует — ведь, по правде говоря, трех свиданий более чем достаточно и воспоминаний хватит ему на всю оставшуюся жизнь, — женщина тут же резко переменялась и начала громко возмущаться. Она не привыкла, чтобы с ней так обращались!

— Хочешь знать, в чем твоя проблема?

Джоэл не хотел.

— Ты думаешь, что у тебя в нижней части все в порядке! И что это дает тебе право вести себя как последний мерзавец! Что ты можешь позволить себе все, чего пожелаешь! Ну, это не так, скажу тебе!

Джоэл гадал, как долго это будет продолжаться? И права ли она? Его психоаналитик никогда не высказывался настолько прямо. Джоэлу хотелось выпить кофе... Нет, он хотел, чтобы женщина ушла, а уж потом придет время для чашечки кофе. Джоэл подумал, не поможет ли делу, если он оставится в свой телефон.

Помогло.

— Ты только глянь на себя! Твое поведение сразу тебя выдает! Да-да! Никто и думать не станет о том, что у тебя внутри. Или через что ты прошел. Ты весь в своих поступках! А они позорны!

— Ты все сказала? — услышал Джоэл собственный голос.

У блондинки был такой вид, словно она собиралась швырнуть в него туфлей. Но она заставила себя умолкнуть и начала с вызывающим видом собирать свою одежду. Джоэл чувствовал, что ему не следует смотреть на нее, но он забыл, насколько она великолепна... Он моргнул.

— Пошел ты! — резко бросила женщина.

Ее юбка была невероятно короткой. И ехать в таком виде в метро домой, в западную часть Лондона, ей было бы весьма неловко.

— Вызвать тебе такси? — спросил Джоэл.

— Нет, спасибо! — сухо откликнулась она. Но тут же передумала: — Да, вызови.

Джоэл снова взялся за телефон:

— Где ты живешь?

— Ты что, не помнишь? Ты же бывал у меня!

Джоэл моргнул. Он не слишком хорошо знал Лондон.

— Да, конечно...

— Шепердс-Буш, — вздохнула женщина.

— Разумеется...

Последовала пауза.

— Все возвращается на круги своя, Джоэл. И ты свое получишь.

Но он уже шел к кофейной машине, проверял электронную почту, готовился к начавшемуся дню. Что-то вертелось на краю его памяти, но что? Что-то хорошее. Он не мог вспомнить.

В семистах милях к северу люди возвращались с полей, разминая мышцы, вокруг них носились собаки, впереди разбегались кролики, со стороны воды дул ветер, свежий, как лимонный лед, а наверху плыло яркое белое небо. Первые утренние работы завершились, люди хотели позавтракать, а внизу, на камнях причала у залива, рыбаки вытаскивали на берег улов и распевали в ясном утреннем свете, их голоса неслись вверх по склонам холмов.

Что, по-твоему, видят его глаза?

Спой о долинах и о водопадах,

О лучшей селедке для пирога,

Что, по-твоему, видят его глаза?

Пой о селедке и о пирогах,

Пой о долинах и водопадах,

Причин для радости нам хватает,

Поем о долинах и водопадах.